Во весь голос. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://mayakovskyvladimir.ru/ Приятного чтения!

Во весь голос. Владимир Владимирович Маяковский

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г.....,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадила садик мило,
дочка,
дачка,
водь
и гладь —
сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их к черту разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н…»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б… с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.
Но я

себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далекó
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных

зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель нá дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.
[ФРАГМЕНТЫ]
Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши,
так рвут, загадав, и пускают
по маю
венчики встречных ромашек.
Пускай седины обнаруживает стрижка и бритье,
пусть серебро годов вызванивает
уймою,
надеюсь, верую: вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие.
* * *
Уже второй
должно быть, ты легла.
А может быть
и у тебя такое.
Я не спешу.
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить.

* * *
море уходит вспять,
море уходит спать.
Как говорят, инцидент исперчен,
любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете.
И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.
* * *
Уже второй должно быть, ты легла.
В ночи Млечпуть серебряной Окою.
Я не спешу, и молниями телеграмм
мне незачем тебя будить и беспокоить.
Как говорят, инцидент исперчен,
любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете, и не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.
Ты посмотри, какая в мире тишь!
Ночь обложила небо звездной данью.
В такие вот часы встаешь и говоришь
векам, истории и мирозданию…
* * *
Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.
Бывает, выбросят, не напечатав, не издав.
Но слово мчится, подтянув подпруги,
звенит века, и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки.
Я знаю силу слов. Глядится пустяком,
опавшим лепестком под каблуками танца.
Но человек душой, губами, костяком…
[1928–1930]

Комментарии
Во весь голос. Первое вступление в поэму. Впервые – журн. «На литературном посту», М., 1930, № 3, февраль (строки 179–244); полностью – журн. «Октябрь», М., 1930, книга вторая (февраль).

Известно, что «Во весь голос» было вступлением к поэме о пятилетке. За этим произведением, ставшим поэтическим завещанием Маяковского и задуманным как «Первое вступление в поэму о пятилетке», в дальнейшем закрепилось жанровое определение поэма. Поэмой называл его и сам Маяковский, выступая в Доме комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 года.

Написано в течение декабря 1929 – января 1930 года. Конкретным поводом к написанию явилась отчетная выставка «20 лет работы Маяковского», открытие которой предполагалось в декабре 1929 года.

Началом своей творческой деятельности Маяковский считал утраченную тетрадь стихов, написанных в одиночной камере Центральной пересыльной Бутырской тюрьмы (Москва), где содержался в свой последний арест с 18 августа 1909 по 9 января 1910 года за участие в подпольной революционной борьбе. Тетрадь со стихами была отобрана надзирателем при выходе Маяковского из тюрьмы.

На непосредственную связь «Первого вступления в поэму» и выставки «20 лет работы Маяковского» поэт указывал, выступая 25 марта 1930 года в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию своей деятельности: «Последняя из написанных вещей – о выставке, так как это целиком определяет то, что я делаю и для чего я работаю.

Очень часто в последнее время вот те, кто раздражен моей литературно-публицистической работой, говорят, что я стихи просто писать разучился и что потомки меня за это взгреют. Я держусь такого взгляда. Один коммунист <мне> говорил: «Что потомство! Ты перед потомством будешь отчитываться, а мне гораздо хуже – перед райкомом. Это гораздо труднее». Я человек решительный, я хочу сам поговорить с потомками, а не ожидать, что им

будут рассказывать мои критики в будущем. Поэтому я обращаюсь непосредственно к потомкам в своей поэме, которая называется «Во весь голос»… «Выставка – это не юбилей, а отчет о работе. Я требую помощи, а не возвеличения несуществующих заслуг…» «Я выставил, потому что хотел показать, что я сделал», – говорил Маяковский. – «Я ее устроил потому, что ввиду моего драчливого характера на меня столько собак вешали и в стольких грехах меня обвиняли, которые есть у меня и которых нет, что иной раз мне кажется, уехать бы куда-нибудь и просидеть года два, чтобы только ругани не слышать.

Но, конечно, я на второй день от этого пессимизма опять приободряюсь и, засучив рукава, начинаю драться, определив свое право на существование как писателя революции, для революции, не как отщепенца. То есть смысл этой выставки – показать, что писатель-революционер – не отщепенец, стишки которого записываются в книжку и лежат на полке и пропыливаются, но писатель-революционер является человеком – участником повседневной будничной жизни <и> строительства социализма».

Выставка «20 лет работы Маяковского» открылась 1 февраля 1930 года в Доме Федерации объединения советских писателей (ныне Правление Союза писателей СССР, ул. Воровского, 50). Конференц-зал и две смежные с ним комнаты, отведенные для выставки, с трудом умещали образцы работ поэта и художника, выполненных за два десятилетия. На выставке демонстрировались все издания, в которых печатался поэт, – книги, альманахи, журналы, газеты. «Книги Маяковского – всего 1 250 000», – поясняла табличка над стендами. По одному от каждого названия представительствовали журналы и газеты, в которых сотрудничал Маяковский. Газетные стенды, раскрывающие связь поэта с многомиллионным читателем, его работу в периферийной прессе, шли под полемическим лозунгом «Маяковский не понятен массам». Макеты «Мистерии-Буфф» и «Клопа» представляли работу Маяковского на театре. «Лаборатория» демонстрировала его черновые и беловые рукописи, раскрывая творческий процесс. На стенде «К автобиографии», рядом с документами об учебе в Кутаисской и Московской гимназиях, была расположена нелегальная политическая литература – брошюры, листовки, прокламации, – характеризующая круг интересов юноши Маяковского. Материалы Московского охранного отделения, департамента полиции, военного суда раскрывали историю трех арестов «Высокого» (под этим именем Маяковский значился в донесениях охранки).

Карта Советского Союза с прочерченными маршрутами поездок Маяковского и диаграмма «Маяковский на эстраде» указывали названия городов, в которых побывал поэт с 1926 по 1930 год.

Два других зала выставки демонстрировали образцы работы Маяковского в РОСТА, его лозунги к агитационным плакатам и рекламам.

Поэма «Во весь голос» создавалась в процессе работы над подготовкой выставки и была закончена к 26 января 1930 года. Соотнесение поэмы с экспозицией выставки дает представление о процессе рождения образов, о движении поэтической мысли, развивающейся от конкретных фактов к широким художественным обобщениям.

Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту

– эта развернутая метафора, определившая образную структуру центральной части поэмы, имеет свою конкретную зрительную подоснову, восходя к выставке. Выставка «20 лет работы Маяковского» действительно была своего рода «парадом», смотром войск, представленных поэтом как «грозное оружие». По-видимому, в процессе оформления стендов, в часы раздумий перед ним возникали ассоциации, конкретизирующие и развивающие этот главный образ – «парад войск», «строчечный фронт».

Экспозиция выставки позволяет увидеть и процесс рождения обобщенного крылатого образа, выразившего пафос всего творчества Маяковского: «Все сто томов моих партийных книжек». Первоначальный вариант в автографе этих строк: «все шесть томов моих партийных книжек» непосредственно связан со стендом выставки, демонстрировавшим шесть книжек в светлой суперобложке – тома начавшего выходить в Госиздате десятитомного собрания сочинений. При жизни Маяковского вышло шесть томов.

Первое публичное чтение поэмы Маяковским состоялось 1 февраля на открытии выставки «20 лет работы Маяковского»; 6 февраля он читал «Во весь голос» на конференции МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей), принявшей его в члены РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей); 15 февраля – на выставке «20 лет работы Маяковского», 22 февраля – на закрытии выставки; 25 февраля – на открытии клуба театральных работников; 5 марта – на открытии выставки «20 лет работы Маяковского» в Ленинграде в Доме печати; 25 марта – в Доме комсомола Красной Пресни (Москва); 9 апреля – на вечере в Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова (Москва).

Засадила садик мило, дочка, дачка, водь и гладь… – аналогичное высказывание Маяковского по отношению к так называемому «чистому искусству» имело место еще в марте 1918 года: «В мелочных лавочках, называемых высокопарно выставками, торгуют чистой мазней барских дочек и дачек в стиле рококо и прочих Людовиков…» («Манифест летучей федерации футуристов»).

…сама садик я садила, сама буду поливать… – двустишие популярной в те годы частушки.

…кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки… – молодые поэты К. Н. Митрейкин (1905–1934) и А. А. Кудрейко (р. 1907), близкие в те годы к группировке Литературный центр конструктивистов, которую Маяковский резко критиковал в ряде выступлений 1929–1930 годов за эстетство и увлечение техницизмом. Выступив с критикой ряда молодых поэтов на конференции МАПП 8 февраля 1930 года, Маяковский привел строфу из сборника А. Кудрейко «Осада» (1929) как образец «пастушески-пасторальной оснастки поэтического произведения».

«Тара-тина, тара-тина, т-эн-н…» – Маяковский высмеивает поэтические ухищрения главы Литературного центра конструктивистов поэта Ильи Сельвинского, который в стихотворении «Цыганский вальс на гитаре» (1923) писал:

И доносится толико стоны? гиттаоры:
Таратинна-таратинна-tan…
Провитязь – иронический неологизм Маяковского, образованный от слов «провидец» и «витязь».

…водопровод, сработанный еще рабами Рима. – Имеются в виду водопроводные системы (акведуки) Рима и провинций Римской империи (с 4 в. до н. э.).

Лета – в греческой мифологии река забвения в подземном царстве.

Це Ка Ка – Центральная Контрольная Комиссия, партийный орган, избиравшийся съездом ВКП(б).

[Фрагменты]
При жизни Маяковского опубликованы не были.

Автографы находятся в записных книжках вместе с черновиками первого вступления в поэму, свидетельствуя о том, что работа над теми и другими первоначально велась одновременно. После того как текст «первого вступления» в поэму был набело (без заглавия) переписан, на оборотной стороне листа той же записной книжки Маяковский расположил беловой текст фрагмента «Любит? не любит?..», а на следующем листке: «Я знаю силу слов…»

Этапами работы над текстом IV фрагмента являются II и III. Фрагмент II сохранился в записной книжке 1928 года, что позволяет считать этот год началом работы над лирической темой, к которой Маяковский вернулся в конце 1929 – начале 1930 года. Строки:

Как говорят, инцидент исперчен,
любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете.
И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид –
вошли в предсмертное письмо Маяковского с заменой строки «С тобой мы в расчете» на «Я с жизнью в расчете».

На страницах записных книжек 1928–1930 годов, запечатлевших процесс работы над

последней поэмой Маяковского, среди других сохранились и следующие поэтические заготовки:

Какому псу
под хвост
во весь свой грузный
рост
жалела людей
желудей
В серебре как в песочке
Старичонки височки
где сыщешь любовь при такой неперке
все равно, что в автомобильном Нью-Йорке
искать на счастье подкову
С. Коваленко

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://mayakovskyvladimir.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!